

что ставило под вопрос целесообразность существования кафедры всеобщей истории в урезанном виде. В 1949 г. она была разделена на две: кафедру истории средних веков и кафедру истории Нового времени.

Система двух близких кафедр, древнего мира и средних веков, основанная на тесном научном и научно-педагогическом сотрудничестве их заведующих, была восстановлена.

Одновременно началась подготовка к неизбежной смене поколений. В 1950 г. доцент кафедры истории средних веков Г. М. Лившиц покинул должность заведующего кафедрой всеобщей истории МГПИ для того, чтобы сконцентрироваться на работе в БГУ. В 1953 г. академик Н. М. Никольский по болезни отошел от активной научно-педагогической деятельности. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории древнего мира стал доцент Ф. М. Нечай.

К сентябрю 1955 г. после почти 20-летнего перерыва была восстановлена объединенная кафедра истории древнего мира и средних веков. На этот раз во главе с академиком АН БССР В. Н. Перцевым. Период раздельного существования кафедр древности и средневековья на историческом факультете БГУ завершился.

После смерти Владимира Николаевича летом 1960 г. объединенная кафедра перешла в надежные руки второго поколения отцов-основателей, Ф. М. Нечая и Г. М. Лившица.

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ (1877—1959)

Николай Михайлович Никольский [12] родился 13 ноября 1877 г. в семье видного российского востоковеда, приват-доцента Московского университета Михаила Васильевича Никольского, преподававшего иврит и ассириологию.

В 1896 г. Никольский-младший с золотой медалью окончил 6-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Будучи студентом, он проявлял особый интерес к истории Древнего Востока, преимущественно к истории Израиля и Иудеи.

Достижения в избранном направлении научной деятельности последовали очень быстро. В 1900 г. Николай Никольский успешно завершил обучение. Его оставили в стенах университета для подготовки к званию профессора. В 1901 г. была опубликована его дипломная работа «Иудея при Маккавеях и Асмонеях».

Однако столь блестящие научные перспективы разбились о суровую бытовую реальность. Семья попала в сложные финансовые условия, и Николай Михайлович приступил к преподавательской практике в восьмилетней гимназии О. Ф. Протопоповой для молодых девушек, где большое внимание уделялось изучению древних языков и гуманитарных предметов.

Огромное влияние на молодого историка и преподавателя оказала революция 1905 г. Народные выступления против самодержавия, знакомство с М. Н. Покровским и И. И. Скворцовым-Степановым подтолкнули его к участию в политической борьбе.

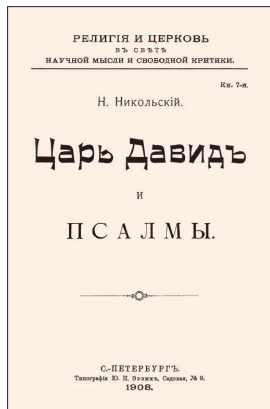
Формы участия были нерадикальные: на нелегальное положение он не переходил и профессиональным революционером не стал. Николай Михайлович оказывал посильную и эффективную помощь социал-демократам: предоставлял свою квартиру для заседаний московского комитета партии, под псевдонимом З. Антонов публиковался в газетах «Борьба» и «Светоч», принимал активное участие в лекторской группе МК РСДРП.

Несмотря на множество разных дел, Николай Михайлович продолжал изучение истории Древнего Востока. Итогами своих изысканий он делился с научной общественностью в рамках выступлений в Археологическом обществе и исторической комиссии Педагогического общества.

Он объединил вокруг себя группу переводчиков (в числе которых был и В. Н. Перцев) для издания серии книг «Религия и церкви в свете научной мысли и свободной критики», в которую вошли произведения крупных немецких ученых: В. Вреде, А. Гарнака, Ю. Велльгаузена, А. Юлихера, Р. Кнопфа, Г. Гольмана, О. П. Пфлейдерера, М. Брикнера, Д. Д. Штрауса. Седьмым выпуском серии стала книга самого Никольского «Царь Давид и Псалмы», в которой аргументированно доказано, что к дополненному периоду могут быть отнесены только несколько псалмов: 18, 20, 21, 29, 45, 48, 60 и, возможно, 46 [11, с. 42–45].

Гимназист
Н. М. Никольский.
1890-е гг.

Обложка первой научной книги Н. М. Никольского

Студент Московского университета
Н. М. Никольский. 1900-е гг.

Н. М. Никольский со своим отцом
М. В. Никольским. 1900-е гг.

Завершая проделанный анализ библейской книги Псалтирь, исследователь приходит к неутешительному для богословов выводу: «Мы видим, что книга псалмов есть собрание чрезвычайно разнообразных поэтических произведений, создававшихся на протяжении более пяти веков; авторами псалмов были не те несколько лиц, имена которых стоят теперь в начале большей части псалмов, а неведомые нам поэты, причем некоторые из них по силе поэтического таланта не уступают лирикам других народов» [11, с. 70].

Но не только этим выводом интересна вторая публикация Николая Михайловича по ориенталистике. В ней также выражен позитивистский подход, имевший очень широкое распространение в начале прошлого века. Историк пишет: «Перед лицом науки, в известном смысле, нет разноценных величин, но все одинаково равноценны в том смысле, что каждая одинаково доступна ее изучению при помощи общепринятых в науке методов» [11, с. 7]. Последующие публикации Н. М. Никольского маркируют расширение его интересов и включение в их состав Междуречья: «Израиль и Вавилон» (1910), «Древний Израиль» (1911), «Древний Вавилон» (1913). Интерес к Междуречью историк пронес через всю свою жизнь. Последняя его работа, «Культура Древней Вавилонии» (1959), также была посвящена этому региону.

Еще одним ответвлением занятий ученого библеистикой стало пробуждение интереса к христианству и христианской церкви. Н. М. Никольский издает книгу «Раннее христианство» (1908) и пишет шесть глав в пятитомной «Российской истории» М. Н. Покровского: «Первобытные религиозные верования и принятие христианства» (т. 1, 1909), «Народная религия и церковь в XIV—XVI вв.» (т. 2, 1909), «Реформы Никона и религиозно-социальные движения во второй половине XVII в.» (т. 3, 1909), «Религиозные движения в XVIII в.» (т. 4, 1912), «Религиозные движения в XIX в.» (т. 5, 1912) и «Государственная церковь в XVIII и XIX вв.» (т. 5, 1912).

В 1931 г. этот интерес реализовался в книге «История русской церкви», охватывающей период от крещения Руси до 1916 г. Фраза, завершающая книгу: «Сумерки богов наступили, дело идет к их вечной ночи», — показывает, насколько углублен был Николай

Преподаватель
Н. М. Никольский

Михайлович в немецкий язык и немецкую культуру. «Сумерки богов» (Götterdämmerung) – это название финальной части оперы Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

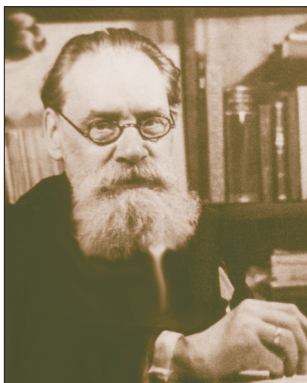
Очень интересную особенность книги «История русской церкви» подметил профессор М. С. Корзун. Оказывается, «Никольский в своем труде ни разу не упомянул Маркса, Энгельса. Есть единственное упоминание Ленина, но не в смысле использования его теории, а только для сравнения с "пиявками" скупщиков духовоборческой общины, перешедших как ренегаты в православие под нажимом царского правительства. Отсутствуют понятия "марксизм" и "ленинизм"» [7, с. 12].

Основное значение книги, по мнению М. С. Корзуна, состоит в том, что «Никольский концептуально создает периодизацию истории православной церкви в связи с состоянием общества» [7, с. 12].

Изучение истории религии на высоком профессиональном уровне открыло Николаю Михайловичу путь в университет. В 1918 г. он был приглашен в Смоленск на должность профессора по кафедре истории религии Педагогического института, который создавался на базе Учительского института. В феврале следующего года Н. М. Никольский переезжает в Смоленск, где становится впоследствии деканом факультета общественных наук университета и ректором Педагогического института. После преобразования в январе 1922 г. института в педагогический факультет Смоленского университета Никольский становится ректором университета. Но уже в июле того же года Николай Михайлович переезжает в Минск, где

он смог полностью раскрыться как организатор академической науки, университетский профессор и ученый-востоковед.

Он возглавляет на педагогическом факультете БГУ кафедру истории религии, затем кафедру истории религии и Древнего Востока. В 1924 г. занимает должность декана факультета. Будучи профессором БГУ, Николай Михайлович дважды выезжает с научными целями в Германию (1925 и 1928 гг.), где налаживает контакты с коллегами. Профессор Никольский подчеркивает в своей автобиографии, написанной в 1946 г., что ему удалось «опубликовать в немецком переводе три... работы,

Академик
Н. М. Никольский

в том числе самую главную... работу 20-х годов *Spuren magischer Formeln in den Psalmen*».

Круг научных интересов Н. М. Никольского продолжал расширяться. На этот раз в него вошли вопросы этнографии — была подготовлена монография по истории белорусских волочечных песен. В качестве специалиста по этнографии он был приглашен на работу в Академию наук БССР. После избрания в 1931 г. действительным членом (академиком) Академии наук БССР Николай Михайлович взял на себя руководство секцией этнографии и фольклора Института истории, продолжая работать по совместительству в БГУ.

После создания в 1934 г. исторического факультета БГУ Н. М. Никольский приступил к работе на кафедре общей истории, а в 1936 г. возглавил вновь созданную кафедру средних веков и древней истории. Связи с академией при этом оставались достаточно прочными. В январе 1937 г. он был назначен директором Института истории АН БССР.

В 1938 г. Н. М. Никольскому было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР».

Рахиль Абрамовна Поссе (в дальнейшем Никольская) вспоминала о том времени: «Николай Михайлович с семьей жил на Советской улице, около польского костела. В этой квартире жили профессор Владимир Николаевич Перцев с женой в двух комнатах, одинокий работник АН БССР и еще одна семья из пяти человек в одной комнате. Семья Николая Михайловича состояла из жены Веры Николаевны, его племянницы Настеньки, студентки биофака БГУ, и родственника Веры Николаевны Петра Гавриловича. Детей у Николая Михайловича и Веры Николаевны не было. Все их дети умирали в раннем возрасте. Единственная дочка Зинушка дожила до 12 лет и умерла от аппендицита. О Зинушке Николай Михайлович горевал всю жизнь. Он очень ее любил, она была его постоянной спутницей в пеших походах с фотоаппаратом в поисках красивых мест природы, интересных житейских встреч. Пешие походы были одним из его главных развлечений. В память о Зинушке он бережно хранил ее "котиху" — игрушечную металлическую кошечку» [9, с. 17].

После начала Великой Отечественной войны Н. М. Никольский с семьей не успел эвакуироваться из Минска. В скором времени от оккупантов он получил предложение написать историю Белоруссии в угодном новым властям духе.

«Николай Михайлович, — вспоминала Рахиль Абрамовна, — прекрасно знал немецкий язык. Выслушав просьбу немцев, вежливо

подвел их к своим книжным полкам и показал свои труды по истории народов Древнего Востока и библеистике на русском и немецком языках. "Я не специалист по истории Белоруссии, — сказал Николай Михайлович, — и вашу просьбу не могу выполнить"» [9, с. 19].

Несмотря на полное отсутствие средств к существованию (семья жила за счет продажи вещей), Н. М. Никольский продолжал свою научную работу. Исследование текстов Рас-Шамры и вопросов, связанных с землепользованием в Междуречье, стояло в пятилетнем плане работы Академии наук БССР, и он, будучи директором академического Института истории, не мог ее не выполнить в срок.

Между тем спасение приближалось. Началась операция по эвакуации на территории, находившейся под полным партизанским контролем, видных белорусских ученых. В результате из Минска были вывезены академик Николай Александрович Прилежаев (химик), профессора Иван Андреевич Ветохин (биолог) и Александр Александрович Кравцов (технические науки) [30, с. 77].

В начале августа 1943 г. к ним присоединилась семья Никольских. И в партизанском отряде Николай Михайлович продолжал исследовать тексты Рас-Шамры и Двуречье. Рукописи были вывезены вместе с их автором самолетом на Большую землю.

Доцент кафедры истории древнего мира Владимир Иванович Шевченко вспоминал после войны: «Николай Михайлович показал мне обертку пачки своих рукописей. Там стояло: "Начато собирание материалов 12.IX.1941, начато писание текста 16.11.1942, закончено 18.III.1943 в оккупированном Минске, в честь Советской Родины. Окончательно отредактировано и переписано к 14.XII.1943 в партизанских отрядах Белоруссии. В случае, если я не доживу до радостной встречи с Большой землей, прошу моих товарищей по партизанской зоне принять все меры к доставке этой рукописи в Москву, в Академию наук"» [30, с. 78].

Тем не менее все закончилось почти благополучно. Академика Никольского с семьей 9 марта 1944 г. переправили в советский тыл, а затем в Москву. К несчастью, тяготы лесной жизни с партизанами подорвали здоровье жены Николая Михайловича. Через три дня после приезда в Москву Вера Николаевна скончалась.

Вскоре после прибытия в столицу академик Никольский возглавил кафедру истории древнего мира БГУ, который в 1943 г. возобновил свою работу на станции Сходня в Подмосковье (ныне в черте города).

В апреле 1945 г. Н. М. Никольский вернулся в Минск. Здесь он встретился со своей бывшей ученицей и аспиранткой Рахиль Абра-

мовной Поссе и сделал ей предложение вступить в брак, которое было принято.

4 декабря 1946 г. Н. М. Никольского избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению истории и философии, специализация «древняя история, история Древнего Востока».

В 1947 и 1948 гг. были опубликованы книги, над которыми академик Никольский работал во время войны: «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» и «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье».

Возглавляя Институт истории Академии наук, Николай Михайлович никогда не уклонялся от ответственности и всегда вставал на защиту своих сотрудников, попавших под каток репрессий. В 1949 г. волна борьбы с «безродными космополитами» докатилась и до Минска. Угроза увольнения нависла над многими представителями научной интеллигенции из числа лиц еврейской национальности. Николай Михайлович смог отвести угрозу увольнения из Института истории от Залмана Юдовича Копысского, Моисея Яковлевича Гринблата, Залмана Евновича Абезгауза, Афраима Моисеевича Карпачева.

Рахиль Абрамовна и Николай Михайлович
Никольские. 1940-е гг.

Рахиль Абрамовна вспоминала: «Акция их увольнения проводилась за спиной Николая Михайловича. Об этом ему сообщил Лукьянов, ученый секретарь Института истории АН БССР. Николай Михайлович был страшно взволнован этим известием. Я впервые увидела Николая Михайловича в ярости. Он сразу же позвонил президенту АН БССР Геращенко... (Затем) позвонил Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко... Все намеченные к увольнению остались на работе» [9, с. 24].

Среди прочих попала под удар Мария Самуиловна Меерович, писавшая диссертацию по фольклору, рожденному войной: фронтовому, партизанскому, из гетто и концлагерей. Завершить работу ей не удалось.

«В Ленинграде в Пушкинском доме должны были заслушать доклад Меерович. Она тщательно готовилась. Собирались крупнейшие фольклористы со всей страны. Впервые Меерович предстояло выступить перед такой представительной аудиторией. Но накануне выступления ей позвонила жена академика Николая Михайловича Никольского — Рахиль Абрамовна Поссе...

Рахиль Абрамовна встревоженным голосом сказала, что следует немедленно вернуться в Минск.

— Но у меня доклад, — не понимая, о чем идет речь, ответила Мария Самуиловна.

Рахиль Абрамовна отлично понимала, что их телефонный разговор прослушивается, его запись станет еще одним обвинительным документом и для нее, и для Николая Михайловича. Но академик Никольский настоял, чтобы предупредили Марию Меерович о том, что происходит в Минске.

— Голубушка, у вас неприятности, — сказала Рахиль Абрамовна.

— Что случилось? — спросила испуганная Мария Самуиловна.

— Николая Ивановича сегодня вызывали в ЦК и сказали, что он пригрел на своей груди безродного космополита и врага народа. У Николая Михайловича был сердечный приступ.

Буквально через час Меерович, так и не прочитав подготовленный доклад, садилась в минский поезд» [31].

Мария Соломоновна прожила несколько дней у Никольских. Она все-таки попала в подвал на Комсомольской улице. Ее обвинили в сотрудничестве с английской разведкой. Спас Марию Соломоновну академик Никольский, нанеший личный визит первому секретарю белорусской компартии П. К. Пономаренко.

Здоровье Николая Михайловича пошатнулось. Он все реже выходил из дому. В апреле 1953 г. он оставил пост директора Института истории АН БССР. В том же году отошел от руководства кафедрой истории древнего мира. Исполнение обязанностей заведующего было возложено на доцента Ф. М. Нечая.

Много времени отдавал он семье. Рахиль Абрамовна вспоминала: «На протяжении всей нашей пятнадцатилетней совместной жизни Николай Михайлович писал стихи — посвящение своим близким, играл на рояле и даже пел. У него был очень красивый мягкий баритон. К сожалению, любимые длительные пешеходные прогулки были уже не по его силам. Но когда у нас появилась машина "Москвич", мы часто выезжали за город поближе к природе, и это в какой-то степени компенсировало его любовь к этому виду отдыха» [9, с. 25].

По мере сил Николай Михайлович продолжал заниматься научной и учебной работой. В 1956 г. вышла его монография «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности», написанная в 1951—1954 гг. В 1953 г. он вместе с Рахиль Абрамовной подготовил для студентов и преподавателей высшей школы «Очерки культуры Древней Вавилонии». Книга увидела свет в 1959 г.

В этом же году, 19 ноября, Николай Михайлович завершил свой жизненный путь.

Так как даты рождения и смерти Н. М. Никольского приходятся на ноябрь, кафедра истории древнего мира и средних веков проводит раз в два года в этом месяце свои «Ноябрьские встречи», посвященные памяти академика Н. М. Никольского и академика В. Н. Перцева, пережившего своего старшего товарища, друга и коллегу всего на полгода.

Большая часть документов, связанных с Николаем Михайловичем Никольским, в том числе его переписка с Якубом Коласом, В. И. Пичетой, В. Н. Дьяковым, В. Н. Перцевым и многими другими (объем составляет 8 папок), еще ждет своего исследователя на полках Архива Российской академии наук (РАН, фонд 1619). Фонд был передан Рахиль Абрамовной в 1970 г. [1, с. 131].

Мемориальная доска на доме, где жил Н. М. Никольский (г. Минск, ул. Карла Маркса, 30)

Общая концепция истории Древнего Востока, предложенная Н. М. Никольским

В 1933 г. доклад академика В. В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока», с которым он выступил сначала в Ленинграде, а потом в Москве, положил начало дискуссии об общем характере развития древневосточных обществ.

Спустя несколько лет АН СССР приступила к выпуску многотомной «Всемирной истории». Первые два полутома планировалось посвятить истории Древнего Востока. В связи с этим вопрос о характере древневосточных обществ обрел новую актуальность. В рамках обсуждения проекта редакция «Вестника древней истории» предложила академику Н. М. Никольскому высказать свое мнение на страницах журнала. Николай Михайлович не преминул воспользоваться предоставленной трибуной, чтобы предложить коллегам-ориенталистам свою общую концепцию истории Древнего Востока. Сделано это было в рамках статьи «О построении истории Древнего Востока» (1938). Особый интерес высказанная концепция представляет еще и в силу возраста автора, которому в то время исполнился 61 год, — за каждым высказанным тезисом стоят годы научной работы и осмысления собранного материала, десятки публикаций. Сам академик был полностью уверен в своей правоте. Он писал в 1946 г. в автобиографии: «К периоду 30-х годов относится расширение моей работы также за пределы Белоруссии. По научной линии оно выражалось в моем активном участии в дискуссии вокруг проблемы формационного типа древневосточных обществ, в которой в конце-концов я нашел правильное решение, легшее в основу ряда моих статей в "Вестнике древней истории" и моих последних больших монографий по истории аграрных отношений в Двуречье и общинно-земеделческой религии Финикии».

По мнению Н. М. Никольского, Древний Восток распадается на три комплекса с разными историческими судьбами: 1) Средиземноморский Восток, 2) Китай и Япония, 3) Индия, Центральная Азия и Индокитай.

Древневосточные общества имеют ярко выраженный «застойный» характер: их развитие останавливается на определенном уровне. Но «по достижении этого уровня их бытие не является бытием стоячего болота. Напротив, достигнутый ими уровень не раз возмущается бурями, иногда разрушительными ураганами, поднимающими мощные волны, подобные волнам разбушевавшегося моря» [10, с. 319].

Отсюда следуют два вывода: 1) о необходимости введения наряду с территориальным хронологического деления по эпохам (временам существования крупных держав) и 2) о важности изучения сюжетов общественно-политической истории.

Основной проблемой общественно-политической истории «должна быть история сельской общины в каждой стране Древнего Востока», прежде всего «со стороны борьбы общинников за сохранение общины» [10, с. 320].

Рабство в рамках древневосточных обществ имело либо патриархальный, либо долговой, либо (изредка) приближенный к античному варианту характер, подпитываясь за счет военнопленных. А значит, требуется «дать конкретную историю колебаний рабства в древневосточных странах — спорадических случаев его усиления, количественного и качественного, и последующих моментов его снижения до специфической восточной нормы» [10, с. 321—324].

Резкое неприятие у академика Н. М. Никольского вызывала модернизация истории. Он писал с возмущением: «Тут даже в схеме истории Древнего Востока, составленной Академией наук СССР, все еще встречаются такие термины, как мировой рынок, торгово-ростовщические банки, денежное хозяйство. Все эти термины целиком заимствованы из работ буржуазных ориенталистов и отражают... тенденцию последних доказать капиталистическое развитие древнего мира» [10, с. 325].

Сформулированная академиком Никольским концепция не утратила своей актуальности и в наши дни, предоставляя в распоряжение исследователей одну из наиболее вероятных парадигм, описывающих древневосточные общества.

Полностью в русле этой парадигмы находятся, например, следующие суждения кандидата исторических наук, доцента А. А. Прохорова: «Основную массу населения стран Древнего Востока составляли свободные крестьяне-общинники. Их социальный статус оставался практически неизменным на протяжении тысячелетий, но в каждый период исторического развития стран Древнего Востока их фактическое положение существенно разнилось...»

Первоначально главным источником появления рабов была война... Позднее возникла система долгового рабства, когда рабом мог стать соплеменник. Это был второй источник рабской силы...

Основной формой применения труда рабов было домашнее рабство, когда рабы использовались на домашних работах. В остальных случаях труд раба был обычно подсобным в земледелии, ремесленных мастерских, дальней торговле и т. д.» [26, с. 42—43].